

Лайлалаэйла медленно пила эликсир из высокого бокала синего стекла. Таниквинель, другая старшая, сидела на мраморном бортике фонтана, устремив взор к небесам, где медленно плыли белые перья облаков. Обе наслаждались тёплым покоем лунной ночи, красотой звёзд и планет над их головами. Тёмноволосые девушки тихо разговаривали. Над ними плавно вращался хоровод младших, подобный кольцу, сотканному из мерцающего радужного света и ничего более. Только приглядевшись они могли на такой высоте различить отдельные составляющие его тоненькие девичьи фигурки. Ещё дальше, выше облаков, куда не достигали взгляды, атмосфера кончалась, и начиналась пустота между мирами. Где-то там сверкала одинокая искра волшебного света, показывая, что кто-то взлетел и туда. И старшие знали кто: единственный мужчина Серебряной Луны. Распахнув плащ-крылья, Луихад ловил ими солнечный свет. Следом за ним парили два последних пополнения его коллекции девушек, Лаурелин и Эяна. Первая почти что сама пришла к нему в руки, а вторую он намного позже учёс с праздника середины лета. Здесь, на Серебряной Луне, девушки наполнились её волшебным сиянием и стали его игрушками, младшими девами. Луихаду не было нужды оборачиваться, чтобы знать, что они не отстают. Он один мог летать на солнечном ветре, все прочие только на лунном свете, если он не нёс их за собой. Как сейчас. Они летели высоко над Морем Спокойствия. Далеко в небесах сверкала давно оставленная ими планета. Луихад поднимался всё выше, и девушки следовали за ним. Эяна наслаждалась полётом, её тело, обнажённое и украшенное серебряными цепочками и рубиновыми блёстками, мерцало в солнечном сиянии, волосы развивались на несуществующем ветру. — Эй, может слетаем на Землю? — Внезапно предложил Луихад. — Посмотрим, может и там есть чего интересного. Подруги радостно закивали, довольные, что их ждёт весёлое приключение. Они уже бывали на тусклой планете, но только во всей компании десятков других, и только на праздничной поляне. Им было интересно повидать другие места Земли, посмотреть, чем живут её обитатели. Даже Эяне, у которой сохранились смутные воспоминания о жизни среди людей. Резко прибавив скорости, Луихад сошёл с орбиты, помчавшись вперёд, в сторону темнеющей на фоне яркого солнца планеты. Летя навстречу солнечному ветру, он чувствовал его сопротивление. Нестись вот так, в неурочное время, когда Серебряная Луна светит только как узкий серп, а яркое, пылающее, солнце в центре мироздания извергает острые лучи жгучего сияния вспышек, вызывая зелёные холодные огни над полюсами планет, труднее обычного, но лунного жителя это не тревожило. На своём плаще-крыльях он преодолевал встречный солнечный ветер, ловил те небольшие потоки света, которые изливались с Серебряной Луны, и нёс девушек за собой. Они со свистом пронеслись сквозь пустоту, и на крыльях несуществующего ветра вошли в тень Земли. Серебряная Луна висела в небесах узким серпом, и её тусклый свет едва мог удерживать их в вышине, но Луихад летел уверенно и ровно, и девушки предпочли держаться ближе к нему, в облаке бледного сияния. Они спланировали под облака, и воздух густел, становясь пригодным для дыхания. Эяна вдыхала тяжёлые запахи дыма, земных трав и цветов, будившие полузыбьтые воспоминания. Только у неё одной: Луихад вырос на Луне, а Лаурелин стёр память, чтобы ей казалось, что она всегда жила с ним на серебряной планете. Эяна не понимала, почему с ней самой не проделали то же самое, до того как на неё обратила внимание одна из старших, а спросить прямо не решалась.

Под ними промелькнули знакомые холмы, а затем Луихад резко свернул, и понёсся над ночной землёй, высматривая что-то далеко внизу. Его привлекли искры света где-то там. Не того дивно прекрасного лунного сияния, а грубого земного света, который не растекался в воздухе, а просто светил как солнце в пустоте между планетами. И тем не менее, это был искусственный свет, доказывавший, что где-то здесь живут люди. Окружённые своим собственным сиянием, принесённым с Луны, они парили высоко над деревьями, с интересом разглядывая долину. Луихад, пусть и просмотревший похищенные воспоминания своих девушек, не сразу сообразил, что небольшие сооружения внизу это дома. А поняв, решил посмотреть поближе. В мыслях Эяны преобладало любопытство, девушка взглядалась в окружающий мрак и тусклоту, пытаясь вспомнить, как здесь живут люди. Она думала, что узнает это место, но нет. Может быть, это не её родная деревня. Бывшая жена Киртиана же только удивлённо озиралась по сторонам, и казалась испуганной, словно брошенная в тёмную и мрачную пустоту девочка. Её память была стёрта давно и основательно, и для неё это было как впервые оказаться на Земле кроме как на праздничной поляне. Гости с Луны опустились не в самом земном селении, а в лесу поблизости. Луихад счёл, что лучше сделать так. Они прокрадутся по поверхности, не привлекая внимания своим спуском с небес. Приземлившись, лунный мужчина погасил принесённый с собой лунный свет. В наступившей темноте на Эяну и её подругу обрушилась тяжесть, придавившая её к колючей траве под ногами. Земной воздух коснулся её. Не так как раньше. В сиянии Серебряной Луны он тёплый и нежный. Смирный. Сейчас же ветер хлестнул её обнажённое, не считая цепочек, тело, принёс неприятное чувство, заставившее девушку сжаться. Не сразу она вспомнила: это называется холод. Идея слететь на тусклую Землю уже не казалась Эяне хорошей. Её удивление граничило с разочарованием: слишком уж неуютной казалась эта планета. Встречала тяжёлым воздухом, пронизывающим ветром, впившимся в обнажённую кожу, особенно там, где её касались цепочки. Лаурелин, хоть и была одета, чувствовала себя ещё хуже. Девушкам захотелось обратно. То, что в начале представлялось интересным приключением на далёкой Земле, обернулось темнотой, холодом, мокрой, колючей травой и колючим воздухом, впивавшимися в изнеженную за годы жизни на серебряной планете плоть. Без волшебного света Луихад и его спутницы не могли лететь, им пришлось опуститься на влажную от ночной росы траву. Эяне с подругой было больно и холодно идти по ней босиком, они не привыкли к такому, предпочитая оставаться в воздухе. Мужчина же, как ей показалось, вовсе не испытывал никаких неприятных ощущений. Он легко шагал по земле и торчащим из неё корням, оглядываясь по сторонам, не видно ли людей. Девушки следовали за ним мелко дрожа. Приковавшая к земле тяжесть была едва ли не хуже всего остального, вместе взятого. Эяна дала себе слово никогда больше не соваться на Землю, кроме как вместе со всеми, в ночь середины лета. Мужчина сказал девушкам не шуметь, и что свет он погасил, чтобы местные жители, если не спят, не увидели их. По его словам, несколько визитов назад он присмотрел на празднике одну замечательную женщину, и теперь жалел, что не взял её с собой. Они могли бы повидаться с нею, или, если не найдут, просто посмотреть, как живут люди здесь, на тусклой планете, вдали от волшебного света небес. К тому же охваченный любопытством Луихад хотел присмотреться ко всему получше, выяснить, что к чему, и как здесь, на этой блёклой и унылой планете, люди ухитряются выживать без магии Серебряной Луны. Украденные воспоминания помогли нему узнать многое, но всё равно было ничто не могло сравниться со взглядом своими собственными глазами. Девушки же не разделяли его

энтузиазма. Им было холодно и плохо. Едва только лунный свет оставил их, вместо него пришли тьма и холод земной ночи. Всё тело налилось тяжестью, придавив Эяну с Лаурелин к холодной и мокрой траве, злой ветер стегал тела, земля казалась очень твёрдой и острой, любые неровности больно впивались в изнеженную за годы жизни на луне кожу. Мужчина казался единственным, кто не боялся. В наступившей темноте Эяне отчаянно хотелось прижаться к нему. Девушка сделала несколько шагов по шероховатой, покрытой жёсткой травой, почве, и едва не споткнулась, больно подвернув ногу. Со стоном поднявшись, она скривилась, взглянула на такую же испуганную Лаурелин, и в спину Луихада, который спокойно двинулся вперёд. Девушкам стало страшно, в каждой тени им виделись следящие глаза, и, не желавшим оставаться одним, им ничего не оставалось, кроме как бежать следом за удаляющимся мужчиной. Спотыкаясь, путаясь в траве, и страдая от боли в изнеженных босых ногах, лунные девы панически боялись потерять его из виду во мраке. И Эяна и Лаурелин отчаянно хотели заплакать, но Луихад ещё в полёте сказал им, чтобы вели себя тихо, и они не осмеливались ослушаться, не зная, что может произойти на этой планете, и надеясь только на него. Лес быстро закончился, и дальше Луихад со спутницами крались к спящей деревне, скрываясь между рядами высоких растений на поле. Он шепнул девушкам, чтобы те уж точно молчали, не попадались никому на глаза, и пригнувшись, едва не ли вставая на четвереньки, двинулся прямо туда, скрываясь за деревьями, придорожными кустами, и заборами. Подружки дрожали от страха, почти ожидая, что такие же тёмные, блёклые и холодные люди, как и всё вокруг, совсем не похожие на тех, которые собирались на праздничной поляне, таятся в ночи, следя за каждым их шагом. Луихад шепотом пытался успокоить их, ссылаясь на то, что на тусклой планете дни и ночи столь коротки, что местные жители могут проспать от заката до рассвета, что обычно и делают. Девушки не слишком верили, но свет горел только в нескольких местах, позволяя лунным жителям оставаться незамеченными. Испуганные лунные девы терялись среди незнакомых вещей, тяжёлого, неприятного, запаха, липкого холода и тяжести в телах, приковавшей их к земле. В каждой куче хлама или тени возле стены им мерещились чудовища. Лунного мужчину же занимали совсем другие мысли. Без волшебного света он не мог лететь, но любопытство и желание всё же заполучить свою новую игрушку тянули его вперёд, а увиденное среди похищенной памяти других младших делало окружающую обстановку куда менее пугающей.

Прокрадываясь по тёмной деревне от одной постройки до другой, и перелезая через заборы, Луихад пытался сообразить, где может быть Намила. Просмотрев чужую память в амулете, он сориентировался, что по ночам большая часть людей земли спит у себя в домах, но где именно искать её это ему не подсказало. Людей он не видел, и счёл, что его не заметят в ночной тьме. Пробираясь к домам вместе со своими спутницами, он заглядывал в окна, пытаясь рассмотреть что-нибудь в тёмных комнатах. Эяна смутно припоминала земную мебель. Всё было деревянным, и её подруга не поняла, что это такое. Крашенное дерево, едва видневшееся при тусклом свете узкого серпа луны и далёких звёзд, своими прямыми формами без украшений на их взгляд никуда не годилось в сравнении с вычурными изделиями из мрамора, хрусталя и серебра у них на Луне. Холод тусклой Земли не отпускал их не на мгновение. Не такой, как в пустоте. Там он только скользил по коже. Здесь же пробирал их до костей. Самый страшный момент паники они пережили, потеряв Луихада из вида. Трясясь от холода и страха, Эяна с подругой забились в какой-то угол, куда не доставал хотя бы ветер, и обнимались, пытаясь согреть друг друга, сжимаясь на подгнившем сене.

Лаурелин была одета, и ей приходилось всё же легче. Они дрожали, вслушиваясь в каждый шорох, и едва сдержались, чтобы не закричать, едва увидели надвинувшуюся на них тень, оказавшуюся всего лишь вернувшимся Луихадом. Девушки обиженно смотрели на своего мужчину, отчаянно жалея, что согласились лететь с ним сюда. Он же ласково улыбнулся, и жестом позвал их за собой, шепнув, что нашёл свою новую жертву. Они заберут её, и сразу же улетят. Медленно прокрадываясь в тенях ночи, гости с Луны двинулись к дому. Идти по замощённому камнем двору было для Эяны ещё хуже, чем просто сидеть на месте. Луихаду-то что, он обутый, а девушки по нему босиком скакали. Мужчина подбежал к зданию первым, и легко и бесшумно запрыгнул в открытое окно. Эяна помогла подруге забраться следом, и заползла последней, при этом соединявшая сосочек с половыми губками цепочка зацепилась за край подоконника, заставив Эяну поморщиться от боли. Сдержавшись, чтобы не вскрикнуть, она поправила её, и тоже перелезла через подоконник. Некрашенные доски пола были для неё немногим лучше земли, а вот мягкий ковёр дал ногам немного отдыха. Лунная девушка смогла немного успокоиться, и почувствовала себя чуть лучше, чем на улице. Если бы не тяжесть и зловоние, она бы подумала, что внутри всё же не так уж и ужасно. Затем она перевела взгляд на спавшую на кровати земную женщину. И нашла ту довольно красивой. «А насколько прекрасней она станет лунной девой!» — Подумала Эяна, впервые после приземления почувствовав, что они не зря летели сюда и терпели всё это. Холод не отпустил её, и когда Луихад осторожно стянул с Намилы одеяло, лунная дева быстро подхватила его и завернулась, ощущив как ветер остался где-то снаружи. И наконец, смогла рассмотреть добычу подробнее, полностью открытой. Женщина выглядела просто замечательно: приятное лицо, тёмные волосы, как у старших лунных дев, большая грудь с крупными тёмными сосками, длинные аккуратные ноги. Впечатление портил только её огромный живот. Эяна сначала не поняла, что видит. Потом из глубин памяти пришло смутное воспоминание о жизни среди людей земли. С лунной девой такого не могло случиться: их тела менялись, и не могли рожать детей. Эта мысль наполнила её печалью на некоторый момент. Суда по всему, Луихада очень удивило увиденное, но после некоторых колебаний он всё же решил что сойдёт и так.

Склонившись над Намилой, лунный мужчина поднял амулет, и направил тонкий изумрудный луч в лоб женщины. На этот раз свет был совсем тусклым, едва заметным и в темноте ночи. Эяна чувствовала, как память следующей жертвы обитателей Луны стремительно вытекает из головы внутрь изумруда. Луихад сделал всё очень быстро. Женщина заметалась на простынях, затем обмякла, только тяжело и ровно дыша. Её опустевший мозг просто отключился. Более не опасаясь, что она проснётся, он подхватил Намилу под руки, и позвал девушек помочь. Подруги схватили её за ноги, при этом Эяне пришлось сбросить одеяло, и снова оказаться на холоде. Лунные жители втроём подняли спящую добычу с кровати и отнесли к окну. И только тогда Луихад распахнул полы своего плаща-крыльев и дивно прекрасный лунный свет вспыхнул снова, растекаясь вокруг.

Озарившаяся дивным сиянием комната засверкала, рассыпающиеся вокруг искры заблестели на грубой земной мебели, и вид у неё сделался не столь уж и уродливым. Коснувшись жидкого, текучего сияния, Эяна с наслаждением ощутила как земная тяжесть и холод уходят из тела. Она попыталась подняться с досок пола, но пока оставалась слишком тяжела. Опасаясь, что внезапный свет разбудит людей, Луихад торопил девушек, чтобы они сейчас же вытаскивали добычу в окно и взлетали. — Давайте, быстрее. — Шепнул он, перелезая через подоконник, и помогая девушкам вытащить усыпленную женщину. По мере возвращения

волшебного света тяжесть и холод стремительно уходили из тел обитателей Луны. Луихад первым сумел оторваться от земли, и, одной рукой хватаясь за стену, а второй держа руку пленницы, принялся взбираться на крышу, с помощью девушек затаскивая за собой и Намилу. Усыпленная женщина была неподъёмно тяжёлой, и норовила выскользнуть из рук. Сияние разгоралось всё ярче. Раздался чей-то крик. Их заметили, первому голосу ответили другие, но обитателям луны было уже всё равно. Лучи света с небес сложились в призрачную дорожку до серебряной планеты. Гости с луны отлетели едва только свет достаточно наполнил их. Во дворе показались люди, что-то крича и указывая на них, а Луихад с двумя лунными девами и добычей уже взвились в воздух, поднимаясь всё выше и выше. Луихад держал Намилу за руки, а девушки схватили её за ноги. Земные люди внизу выскакивали из домов, зажигался свет, не мягкий лунный, а обжигающий свет огня горящих фонарей. Острые огненные лучи рвали кокон волшебного сияния, и Луихад стремился как можно скорее подняться выше, прочь отсюда. Снова оказавшись в воздухе, лунные люди взлетали, но с грузом им было-по прежнему слишком тяжело. Земная женщина у них на руках беспокойно ворочалась, пытаясь проснуться. Луихад очень торопился, боясь быть застигнутым, и не смог вычистить её мозг так тщательно как делал обычно. Втроём им было слишком тяжело нести её, а волшебного света оказалось слишком мало, чтобы наполнить её тело, и превратить в такую же лунную деву, как Эяна. Они смогут сделать это только у себя на спутнике, хотя бы в пустоте между мирами, где ничего не мешает ловить изливающееся в пространство волшебное сияние. Если вообще сумеют добраться до орбиты. С узкого серпа Луны высоко в небесах, между облаками, сочилось так мало света, что Луихад с девушками едва чувствовали его, и им пришлось ловить каждую каплю, и то они не были уверены, что это им удавалось. Так и не выпуская пленницу из рук, они с трудом преодолевали земное притяжение, поднимаясь всё выше и выше. Тело Намилы оттягивало руки свинцовой тяжестью, впитывало свет со страшной силой, и время от времени Эяне казалось, что они её не удержат, и рухнут вниз вместе с добычей. Это было похоже на то, что они карабкались со дна колодца или вырывались из паутины. И только добравшись до ближней орбиты, где ослабевала хватка гравитации, и поймав солнечный ветер плащом-крыльями, Луихад с облегчением убедился, что они смогли выбраться с тусклой планеты, едва не ставшей для них ловушкой. С земной женщиной на руках они понеслись сквозь пустоту навстречу серпу Серебряной Луны, давая себе зарок никогда больше не летать сюда не в полнолуние и не прихватив с собой меньше десятка подружек. — Луихад, а мы больше не полетим сюда? — Спросила Лаурелин, в её голосе смешивалось облегчение и тревога что их мужчина снова притащит её на эту тускую планету, где они чуть было не остались навсегда. — Нет, моя милая. — Ответил он. — Конечно нет, кроме как на праздник. Это моя ошибка, я не знал, что будет так. Но по крайней мере Намилу мы сумели вынести оттуда, и она станет прекрасной лунной девой. Свободной рукой Луихад погладил спящую женщину по щеке. Она не проснулась, её мозг оставался пуст. Луихад украл почти всю её память, и решил до прибытия к оазису жизни не возвращать ей ничего, им и так было трудно лететь с грузом, и не следовало рисковать тем, что женщина может внезапно очнуться прямо в полёте. Лунные жители успокаивались по мере того, как серп серебряной планеты рос впереди, а колдовское сияние становилось ярче, окутывая их привычным облаком света. * * * Как и раньше, при свете звёзд в небесах и на вершинах мраморных, хрустальных и металлических башен долгие лунные ночи оставались временем активной жизни обитателей спутника. С лёгкостью парили в воздухе над фиолетовым лугом

лунные девы. Небесные красавицы играли друг с дружкой, ласкались между собой под белыми перьями облаков. Парочка старших с тёмными волосами и в своих извечных длинных многослойных юбках неспешно плыли над долиной, бросая взгляды на резвившихся внизу младших. Игрушки Луихада, их милого паренька, пели, танцевали, и вообще всячески веселились. Таниквинель заметила три его последних приобретения: Лаурелин, Эяну и Намилу. Девушки ласкались прямо здесь же, возле фонтана. Лаурелин лежала на траве, широко разведя ноги, между которыми примостилась одна из младших, и старательно ласкала её пальчиками. Рядом с ними новенькая смотрела в небеса и ровно, расслабленно, дышала, сложив руки на своём огромном животе. Эяна же наслаждалась одним лишь видом подруг. Паря в воздухе над лугом, Таниквинель хорошо видела всё происходящее. Её внимательные глаза следили за тем, как девушки ласкались между собой. Она смотрела, как Намила обернулась, медленными и плавными движениями, чтобы не тревожить растущую в ней жизнь, передвинулась к Лаурелин, и устроилась возле неё, положив голову на обнажённую грудь подруги. Лунная дева начала медленно гладить новеньку по голове, почесала за ухом. Словно ждавшая приглашения Намила обхватила сосок губами, и принялась с наслаждением сосать. Вскоре крупная белая грудь Лаурелин дала молоко, и Намила с спокойно пила тёплую, сладкую жидкость совершенно дивного вкуса. Эяна ещё понаблюдала за этим, мягко поглаживая саму себя, затем присоединилась к ним, припав ко второй груди девушки, и с наслаждением высасывая из неё восхитительное молоко. Чувствуя его вкус на своих губах, Эяна восхищалась по-новой. Молоко Лаурелин стало её вкуснее с прошлого раза, когда она пила её. Девушка точно была одной из самых лучших во всём. Не зря Луихад так ценил её, и оставил любимой игрушкой дольше, чем любую другую из них. Обе подружки сосали груди Лаурелин пока не опустошили их. Намила продолжала посасывать сосочек, словно надеясь, что молоко пойдёт снова, а Эяна, убедившись, что выпила бывшую жену Киртиана полностью, отпустила, поцеловала девушку в губы, в благодарность за доставленное удовольствие. Лаурелин приняла это как должное: она гордилась своими молочными грудями, которые полюбились столь многим на Серебряной Луне: Луихаду, и подружкам, и парочке старших, хотя Таниквинель и предпочитала другую девушку, ту у которой молоко со вкусом шоколада, а самой Лаурелин больше нравился мятный вкус того, которое давала одна из давних подружек. Эяна не остановилась на достигнутом, ей хотелось в ответ доставить подруге не меньшее удовольствие, но её собственные сисечки так и остались сухими, и потому она ласкала девушку руками. Тяжёлые и подвижные груди Лаурелин мягко перекатывались под её ладонями, и Эяна начала снова целовать их. Затем её ладонь легла на уже истекающую соками вагину, и медленно и плавно начала поглаживать её, нежные артистичные пальчики любимицы Таниквинель проскальзывали внутрь, и Лаурелин принимала эти ласки, восхищаясь умением Эяны. Если первое время она ещё иногда отводила взгляд, по остаткам памяти о Земле старалась скрыть свою наготу в тенях за кустами, то теперь отдавалась на глазах у всех, и, похоже, получала двойное удовольствие от любви, когда это происходило на глазах у других. Немного замедлившая своё полёт Таниквинель пару раз обернулась на последнее прибавление к коллекции Луихада, задумавшись над нею. Эта недавно принесённая сюда женщина по-прежнему оставалась слишком тяжела для полётов, словно серость тусклой планеты так и тянула её к земле оковами гравитации. Она становилась лунной девой медленнее, чем любая другая. Старшая думала, что это из-за того, что она

ждала ребёнка когда Луихад принёс её сюда. Да, скорее всего, так и было: лунные эликсиры должны были действовать не только на неё саму, но и на ещё не рождённое дитя. «И что тогда?» — Задала себе вопрос Таниквинель. — «Сможет ли она родить здесь? Обычно лунные девы не могут иметь детей. Такова плата за бессмертие и вечную юность, но с Намилой всё не так, как с другими». Легко паривший в воздухе Серебряной Луны Луихад не обращал на них какого внимания: отдохнувшего после занятий любовью с одной из дев юношу больше занимали собственные мысли. Глядя на оазис жизни через изумруд в своём амулете, он видел текущее через него волшебство. И не только. Для магического взгляда космос сверкал такими же яркими красками, как и родная Серебряная Луна, пробуждая любопытство Луихада. Ему было интересно. Может быть когда-нибудь он узнает больше, почему их Луна так не похожа на тусклую Землю.